

В ТОМ-ТО И ДЕЛО, ЧТО ДАМА НЕ ШУТИЛА...

Большой театр. — 1992. — 20 июля

ЧТО ПИШУТ О БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

Поначалу была мысль обозреть прессу по «Фаусту» — на последнюю премьеру театра откликнулись практически все основные газеты и журналы. Но потом задача изменилась. Разложив перед собой ксероксы статей и поняв — о Большом написано за последние два сезона столько, что необходима некая классификация материала.

Первое, что отмечают для себя, думаю, все, — изменяющийся характер и общий тон театральной публицистики. Вернее, беллетристики, ибо по-настоящему мудрую, не конъюнктурную, не осложненную зудом обид и обывательщины, статью прочесть мудрено. С одной стороны, изменился рынок прессы, его жанровое, как сказать, разнообразие, специализация по интересам в газетном мире дошла до того, что свою трибуну будет скоро иметь каждое РЭУ. С другой — выросло и пришло в профессию новое поколение пишущих, чьи знания и интересы зачастую абсолютного несопоставимости с масштабом и существом Большого театра. Последнее обстоятельство особенно угрожающее. Ледно бы какой-нибудь «Московский комсомолец» публикует заметку в тридцать строк, делает пять вульгарных ошибок и инкогнито не страдает по этому поводу. Какой-нибудь недоросль оттуда же может спросить по телефону — кто такой Юрий Николаевич, чьи ли написал оперу «Жизнь за царя»? Но «МК» — особый случай, думаю я.

Однако, вот является на открытии сезона команда Российского телевидения и умоляет за пятнадцать минут до начала пустить их к Лазареву для интервью. Именно без его слова репортаж ну никак не состоится. Пустите! Хорошо, а что вы собираетесь спросить у него? Ну, например, сколько стоят билеты в Большой театр, говорит журналистка, раздраженная специально для такого случая.

Как билеты?

У Лазарева, художественного руководителя русской национальной оперы, за десять минут до спектакля, открывающего сезон, вы будете спрашивать о ценах на билеты, вы шутите!

... В том-то и дело, что дама не шутила. Она была в полном порядке. Ее абсолютно не интересовал мир театра, ну хоть намеки на что-нибудь более высокое, не обывательское. Смелости же ей придавало и то, что она не одинока, она выступает не от себя лично, а как бы от лица сословия, трудом которого образ театра планомерно и неуклонно снижается.

Примечание же имею в виду традиционные трибуны убежденного (концептуального) недоброжелательства, например, «Независимую газету», тот же «Московский комсомолец», «Литературную газету». Нет, другое — пресса буквально поголовно перестала быть учтивой к самой идее Большого театра, равно как и вообще к любому другому явлению современной культуры, литературы, более или менее заметному. То читая с уважаемым журналом заметку молодой хамки о «Современнике», то Таганку (какой бы она сейчас ни была) похлывает по плечу прохиндей, то по поводу МХАТа отпускают непристойности, то на Романа Виктюка прыснут ядом...

Целые косяки дешевых беллетристов кружат и вокруг Большого, сделали себе какое-никакое имя на этой стезе, благо «про Большой» всегда охотно берут редакции, и без работы тут трудно остаться.

Есть и другой тип — неких воинствующих демократов, что являющихся с целью разоблачить внутритеатральные порядки, проследить за соблюдением здесь прав человека,

за очередностью выхода артистов на сцену.

Самый свежий пример. Российское телевидение (увы, слыть оно) снимало сюжет о Михаиле Крутикове, при этом несколько не считаясь с внутренним режимом закулисы, в комментаторе и т. д. Получив замечания, они решили угрозать — мы снимем сейчас вас всех, в вашем ГУЛАГе и выдадим в эфир...

Почему я вспоминаю сегодня прежде всего острые сюжеты из истории взаимоотношений Большого с журналистами? Они наглядно демонстрируют культурные сдвиги в обществе. Вернее, деформации. Одна из главных та, что вызвана общей ситуацией свержения старых норм и старых идеалов. Большой попал не только в число объектов национального достояния, но и в число фантомов, от которых надо избавиться хотя бы с массовым сознанием. Вот отчего заработала мысль машинки — оканчивается и Большой-то, того, уже как бы и не Большой.

Показательно тут обилие информации, не связанной с творчеством. Театр начинают «анализировать» с нетрадиционных точек зрения, не из пера. Вот всплывает така клакстер и спекуляции билетами под колонами, вот крупно взаты слезы удачливой и вполне благополучной балерины, якобы, не имеющей партий и спектаклей, вот сообщают о стрельбе с нижнего фойе, сь отъезде на заработки за границу молодого солиста и т. д.

Мне это порой смешно читать не только потому, что знаю (как было в самом деле), а потому, что знаю: мне некоторые личности таких пишущих. Господи, да с чего же, думаю, ты так вдруг изволила судьбой нашего артиста, ты ведь горд театра с детства не переступал, не только Большого, а вообще театра как такового.

Я думаю: что ли наш театр стал уже слишком общедоступным, коли могут судить-рядить о нем через одного, без специальной подготовки, без навыков. То ли громкое имя его в семидесятые-восемидесятые годы настолько засело в сознании осколко полу-правды, что сейчас налицо отрижение от мифа, демонстративное, подоснательное неприятие любой его работы, самого его имени!

Обратим ли процесс.

Вопло! Не сразу. Вероятно, должны прийти новые авторы: газеты и журналы; «старая гвардия», какие бы заслуги за ней не числились, уже совершенно не в состоянии сказать что-либо новое о театре. Все та же дурная манера пожать мастеров, пошлов асезная жвачка, не скрывающая ни истинных сложностей творчества, ни социальных обстоятельств его сегодняшнего протекания.

Естественно, и театр открытием в самом себе новых художнических запасов, обязан сформировать новый уровень периодики, может быть, критики. Ведь в прошедшем сезоне было о чем писать: четыре премьеры кряду, дебюты молодых, концерты, гастролы. Отсюда обилие, даже избыток откликов. Их десятки, их невозможно прочесть все, за всеми уследить. Причем я не беру во внимание теле- и радиоэфир, особенно активный в последние времена. Мне кажется, если подсчитать количественно написанное и высказанное о Большом, получится — больше, ли не каждый день общество жило его проблемами.

Были тут свои приливы и динамика. Скажем, премьеры «Вальдерку» приняли хорошо, даже восторженно, хотя многие промолчали, словно опасаясь за свое реноме, ибо

сказать в адрес Большого нечто доброе — тут требуется даже некое мужество. О «Корсаре» уже писали, кажется, все и по-крупному, например Т. Кузнецова в «Независимой газете». Что касается «Фауста», то тут просто начался обвал. Кажется, авторов не хватало до все газеты. Галина Васильева из «Комсомолки» написала о нем трижды — к себе, в «Правду», и «Театральную жизнь». Проснулись вдруг те, о ком никто никогда и не слышал. Информация о премьере дошла даже до журнала «Деловые люди» — была объявлена стоимость постановки и количество занятых в ней артистов.

В чем дело? Поступила команда? Откуда?

Нет, просто все почувствовали — а Большому продолжаться, совершается живая жизнь, сезон выдался незаурядный, явились первоклассные балерины, зазвучали новые голоса.

Шлеф интереса протянулся к сезону нынешнему. История с обозначенной кавдригой Аполлона, сбор труппы, Указ Президента о Большом театре, дебюты, записи оркестра — все немедленно отражается в зеркале нашей загадочной грассы. Порой она просто поражает. К примеру, «Комсомолец» и ТАСС вдруг откликнулись на рядовой спектакль «Пиковая дама» и пишут, как прекрасно звучали а тот вечер Образцова, Удалова, Синявская. С чего вдруг? Не знаю, заметили, и все...

Думаю, в своей журналистике и критике наступила усталость от бессмысленного противостояния. Все чаще звонят с вопросом — что у вас хорошего? О каком бы новом имени написать сейчас?

Посмотрим, как выступит в 217-м сезоне пресса, случается ли там интересные дебюты и открытия и потом еще раз вернемся к теме. В ней очень много аспектов: знаменитое и яркое появление новых критических трибун («Московский наблюдатель», «Независимая газета», абсолютное исчезновение из круга чтения традиционных печатных органов («ЛГ», «Газета», «Культура»); зарубежная пресса о театре: тележурналисты о Большом (они как никто следили за его жизнью) и т. д. Интереснейшая тема — люди Большого театра, выступающие в прессе. — с чем они идут в газету? стремятся ли свести счеты с коллегами? отомстить за свои давние обиды? или им нужна трибуна для собственной рекламы?

Собой разговор о подлинно профессиональной критике — что замечает она в жизни театра, о чем предупреждает. К ней, конечно, необходимо прислушиваться, тем более ее не так часто встретишь, имена перечесть.

Целая «литература» собиралась по вопросу финансового положения театра, ремонта и реконструкции его.

Тут размышлять и размышлять. Сегодня мы делаем первый подступ.

А. КОЛЕСНИКОВ